

ББК 67.408.022

УДК 343.82:343.823

Е. Г. Михеенков

Привлечение заключенных к труду в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири (конец XIX в. — 1919 г.)*

E. G. Mikheenkova

The Involvement of Prisoners to Work in Penitentiary Establishments of Western Siberia (the End of XIX Century — 1919)

В статье на основе архивных материалов, извлеченных автором из фондов Государственного архива Российской Федерации, законов Российской империи и иных нормативно-правовых актов Российского государства, рассматриваются специфика привлечения заключенных к труду в пенитенциарных учреждениях Западной Сибири, формирование системы оплаты труда, анализируется создание производственной базы пенитенциарных учреждений. В статье рассматривается изменение отношения к труду как мере карательного воздействия на заключенного в пенитенциарной системе Западной Сибири и показывается формирование воспитательно-трудового воздействия на личность заключенного; влияние отношения к труду на возможность предоставления ему условно-досрочного освобождения. Автором на примере Томского арестантского отделения № 1 показывается возможность использования труда заключенных в различные периоды российской истории, создание производственного потенциала, привлечение к финансированию производства торгового капитала, попытки создать систему самообеспечения жизни осужденных, с частичным восполнением затрат на их содержание. Рассматриваются вопросы преемственности уголовно-исполнительной политики дореволюционного периода, периода революции и Гражданской войны с советским периодом развития в вопросах организации труда осужденных.

Ключевые слова: пенитенциарная система, труд заключенных, нормативно-правовое регулирование труда заключенных, Западная Сибирь.

DOI 10.14258/izvasu(2014)2.1-23

Развитие уголовно-исполнительной системы Российского государства в различные исторические эпохи ныне все больше привлекает внимание исследователей. Отчасти это объясняется постепенным открытием недоступных ранее архивных источников. С другой стороны, реформирование уголовно-испол-

The article on the basis of archival material drawn by the author from the funds of the State archive of the Russian Federation, Laws of the Russian Empire and other normative legal acts of the Russian state considers the specifics of the prisoners who work in penitentiary establishments of Western Siberia, the formation of the system of labour remuneration, analyzes the productive capacity of penitentiary institutions.

The article considers the change of the attitude to work as a punitive measures impact on the prisoner in the prison system in the Western Siberia and shows the formation of educational and labour impact on the identity of the prisoner; the impact of attitudes on the possibility of granting him parole.

The author on the example of Tomsk № 1 detention division shows the use of prison labour in different periods of Russian history, creation of new productive facilities, the financing of the manufacture of commercial capital, attempts to create a system of self-sufficiency of life prisoners, with the partial filling of the expenditures for their maintenance. Aspects of inheriting by the Soviet authorities the criminal-executive policy of the pre-revolution, revolution and the Civil war period practices in the organization of work of the convicts is discussed.

Key words: prison system, prison labor, legal regulation of prison labour, Western Siberia.

нительной системы немислимо без использования ранее накопленного опыта деятельности как пенитенциарной системы Российского государства в целом, так и региональных пенитенциарных систем.

В отличие от центральных губерний страны, где привлечение арестантов к труду было повсеместно на-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-13-70002

чато лишь после принятия Закона от 6 января 1886 г. «О порядке занятия арестантов работами и получаемого от сего дохода», впервые организовавшего постановку работ в местах лишения свободы различного типа [1, с. 143], в Томске этот процесс был начат несколько ранее. Уже в 1873 г. в Томском тюремном замке были устроены сапожные и портняжные мастерские, а приемом заказов от населения и организацией работ заведовал смотритель тюремного замка или его уполномоченные [2, с. 25]. Это позволило задействовать часть осужденных на работах, что благоприятно сказывалось на режиме.

В соответствии с указанным законом привлечению к обязательному труду подлежали осужденные на каторжные работы, приговоренные к ссылке на поселение, отбыванию наказания в исправительно-арестантских отделениях, а также осужденные к тюремному заключению за мошенничество, хищение имущества, присвоение или растрату имущества.

Вводилась и практика распределения заработанных сумм: приговоренным к заключению в тюрьме полагалось 4/10 части; заключенным в исправительном арестантском отделении — 3/10; осужденным на каторгу — 1/10 часть заработка. Оставшиеся средства распределялись следующим образом: одна половина поступала в доход государства, а другая — в доход тюрьмы [3]. Однако важным для стимулирования труда заключенных стал не подневольный, как ранее, — а оплачиваемый труд.

Одновременно закладывались основы обеспечения арестанта после отбытия наказания. Из заработанных средств на руки ему выдавалась только половина. Вторая оставалась на его счете и выдавалась по освобождению, составляя «выходное пособие» (ст. 19 Закона 1886 г.). Интересно, что данный принцип вознаграждения осужденных за труд значительно пережил упомянутый закон, составляя основу материального поощрения труда осужденных на протяжении большей части XX в. Изменению подлежала лишь доля материального вознаграждения, выдаваемая при освобождении.

Ряд уточнений и дополнений в организацию и условия арестантского труда внесли циркуляры Главного тюремного управления от 3 марта и 14 декабря 1888 г. (№ 6 и 21), а также от 25 июня 1889 г. (№ 16). Но они касались большей частью технической стороны привлечения заключенных к труду [4, с. 35], например, связанной с порядком вывода заключенных на внешние работы.

Вопросам организации арестантского труда, его продолжительности, освобождения от арестантских работ, содействия его развитию труда в пенитенциарных учреждениях посвящена глава VI «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов» Устава о содержании под стражей (в ред. 1890 г.).

Достаточно подробно регламентировала вопросы привлечения осужденных к труду Общая тюремная инструкция 1915 г. Она вменяла в обязанность тюремной администрации принятие необходимых мер к тому, чтобы все трудоспособные арестанты были заняты «доходными работами». Обязательному занятию работами по назначению тюремного начальства подлежали:

- каторжные осужденные;
- осужденные к отдаче в исправительно-арестантские отделения;
- ссыльнопоселенцы и бродяги;
- удаляемые административным порядком (во время содержания их в тюрьме);
- осужденные за имущественные преступления, а также за прошение милостыни [5, с. 28].

Впервые в Инструкции были сформулированы цели привлечения заключенных к труду. В частности к ним относилось:

- 1) отвлечение арестантов от праздности,
- 2) приучение их к производительному труду,
- 3) обучение полезным мастерствам и ремеслам и 4) предоставление арестантам заработка, который давал бы им возможность оказывать помощь своим семьям и сделать сбережения для обеспечения своего существования по освобождению из-под стражи [6, с. 61–62].

Инструкция 1915 г. достаточно подробно регулировала порядок привлечения заключенных к труду. В целях самообеспечения и снижения издержек на содержание заключенных работы подразделялись на платные и бесплатные, в зависимости от того, носили ли они постоянный либо временный характер. На временные работы (уборка территории, колка дров и проч.) заключенные назначались по особому наряду (ст. 227 Инструкции). В то же время количество заключенных для внешних работ, а также размер оплаты их труда определялись губернским тюремным инспектором ежегодно для каждого из пенитенциарных учреждений (ст. 229 Инструкции).

В известной мере заинтересованы в труде при отбывании наказаний в виде лишения свободы были и сами заключенные. Помимо материального вознаграждения, получения необходимых ремесленных навыков, их отношение к труду учитывалось при принятии решения об условно-досрочном освобождении (в соответствии с Законом от 22 июня 1909 г. «Об условно-досрочном освобождении»). П. 4. Инструкции по применению упомянутого закона, утвержденной Министром юстиции 29 сентября 1912 г., разъяснял, что «одобрительное поведение» состоит не только в «подчинении арестанта правилам тюремной дисциплины, но и в активном проявлении исправления, выраженном в трудолюбии, успехе в работах и уважении к законам и властям» [7, с. 173].

Сокращение 1/5 срока отбывания наказания было возможно в отношении осужденных, занятых на выполнении военных заказов, при их безукоризненном поведении и добросовестном отношении к труду, в соответствии с Законом от 31 мая 1916 г. Отметим, что данный нормативно-правовой акт активно применялся и после свержения самодержавия, когда вопрос о применении норм закона был передан на рассмотрение комиссаров Временного правительства, в соответствии с Циркуляром ГУМЗ от 13 апреля 1917 г. [8, с. 23–24]. В соответствии с Постановлением Временного правительства «Об условно-досрочном освобождении» от 1 августа 1917 г. отношение осужденных к труду оставалось одним из факторов, влиявших на представление к УДО [9].

Таким образом, в рассматриваемый период развития пенитенциарной системы на нормативно-правовом уровне были закреплены основные принципы привлечения заключенных к труду. В зависимости от тяжести совершенного преступления был определен перечень выполняемых работ (внутренних или внешних), разработана система оплаты труда заключенных. Их труд рассматривался как элемент, средство и проявление исправления преступника.

Возможность привлечения заключенных к труду в Сибири во многом зависела от расположения пенитенциарных учреждений. Так, исправительное арестантское отделение № 1 Томска было расположено за городом, имело достаточно просторные помещения, а следовательно, и более благоприятные условия для работ. Это отражалось на доходах, получаемых пенитенциарной системой губернии от арестантского труда: в 1905 г. доход от первого отделения составил 63 330 руб. 54 коп., а от второго — лишь 8642 руб. 46 коп. В немалой степени эффективность труда заключенных зависела и от способностей тюремных служащих. В 1905 г. томский губернатор отмечал, что «со времени назначения губернским тюремным инспектором Захарова сумма заработка арестантов сразу увеличилась почти вдвое и затем постепенно возрастала». В 1906 г. сумма получаемого дохода увеличилась еще на 11% и превысила 65 000 рублей [10, с. 226].

В последующие годы работа заключенных в арестантских отделениях продолжала развиваться. Дополнительно были открыты кирпичный, смолокурный и гончарные заводы, а также Заварзинская сельскохозяйственная ферма. Новым для пенитенциарной системы губернии стало открытие при арестантском отделении № 1 в Томске электростанции, которая давала существенную прибыль. Этому способствовало и то, что попечителями над томскими арестантскими отделениями были утверждены известные успешные в Сибири купцы — Викул Патрушев и Аким Каримов [11, с. 394], оказывавшие как орга-

низационную, так и финансовую поддержку создаваемым предприятиям.

В качестве финансовой поддержки губернские пенитенциарные власти рассматривали государственные заказы. Циркуляром ГТУ от 7 февраля 1913 г. № 7 региональным пенитенциарным системам предлагалось организовать пошив обуви для надзирателей и надзирательниц в условиях тюремных мастерских. Таким образом, пенитенциарная система стремилась не только к самообеспечению заключенных, но и к обеспечению форменным обмундированием ее сотрудников [12, с. 409–417].

Обеспечение форменным обмундированием, созданным заключенными, стало особенно актуально в условиях Первой мировой войны, когда на базе ткацкой мастерской в них была создана фабрика по пошиву обмундирования для армии. В 1915 г. доход от ткацкой мастерской, поступивший в казначейство, составил 1147 руб. 67 коп. [13, л. 25]. Несмотря на своевременное выполнение заказа, фабрика не только не давала дохода, а напротив, ежегодно накапливала долги. Причиной тому стали крайне низкие закупочные цены, которые правительство устанавливало на закупку обмундирования, что не покрывало расходов. К 1 января 1917 г. долг фабрики составил 55 550 руб. 35 коп. [10, с. 227]. Такая позиция государства изначально подрывала организацию работ заключенных, что негативно сказывалось на возможностях их дальнейшего привлечения к труду.

Особое внимание арестантским работам уделялось в тюрьмах. Томская губернская тюремная инспекция рассматривала организацию труда заключенных как одно из основных направлений своей деятельности. Ее деятельность проводилась в трех основных направлениях: привлечение к труду большего числа заключенных; учет возможностей и потребностей рынка региона в их труде; передача ремесленного опыта внутри тюрьмы.

Первый способ заключался в передаче знаний от одних заключенных к другим. Именно он приобрел наибольшее распространение, несмотря на такие трудности, как отсутствие у «обучающих» необходимых педагогических навыков, а также на определенные трудности, связанные со сроком отбывания наказаний.

Вторым стало заключение соглашений между администрацией и мастером из числа местных жителей для обучения ремеслу вновь поступающих заключенных. Однако данный способ требовал определенных затрат и поэтому большого распространения не получил.

Наконец, третьим направлением стала передача ремесленных навыков заключенным через служащих пенитенциарных ведомств. Вместе с тем он не мог себя оправдать в полной мере, так как далеко не все служащие обладали необходимыми знаниями и умения-

ми, тем более не были склонны к занятию своеобразной педагогической деятельностью с заключенными.

Несмотря на определенные успехи Томского арестантского исправительного отделения № 1 в привлечении заключенных к труду, ситуация в целом по Западной Сибири оставляла желать лучшего. Если в 1905 году общий доход от труда заключенных томских исправительных арестантских отделений составил 71 973 руб., то от губернского тюремного замка — лишь 12 499 руб. 59 коп., Барнаульского — 5280 руб. 57 коп., Бийского — 4840 руб. 17 коп., Каинского — 1601 руб. 92 коп., Мариинского — 702 руб. 95 коп. Сказывалась и роль личности в деятельности пенитенциарной системы губернии: с переводом на другое место службы томского губернского тюремного инспектора А. Захарова объем привлечения заключенных к труду постепенно сокращался, о чем свидетельствуют отчеты 1908–1916 гг. [10, с. 229].

При этом сокращение привлеченных к труду заключенных констатировалось в целом по России. С. К. Гогель отмечал, что в 1912–1913 гг. «в 111 уездных тюрьмах, было занято 5% и менее населения; в 101 — от 5 до 10% и только в 39 уездных тюрьмах — 30% и более» [14, с. 311].

Однако в масштабах империи усилия тюремного ведомства по развитию арестантского труда постепенно начинали приносить свои плоды как в виде ощутимого экономического эффекта, так и в стабилизации режима в учреждениях. Если в 1907 г. заработки осужденных составили 1,5 млн руб., то в 1908 г. — около 2 млн руб., достигнув к 1913 г. почти 5 млн руб. Места заключения гражданского ведомства вносили свою посильную лепту в решение хозяйственных задач в масштабах всей страны. Ими ежегодно изготавливались миллионы аршин холста, сотни тысяч сапог для армии, на 22 заводах выпускалось до 10 млн кирпичей. Арестантский труд использовался при железнодорожном строительстве, имевшем стратегическое значение [8, с. 19–20].

На ограниченную возможность привлечения заключенных к труду оказывал влияние и их состав. В уездных и губернских тюрьмах содержались в основном наиболее опасные преступники, в связи с чем возможность их использования за пределами тюрьмы была ограничена, что не могло не сказаться на получаемом доходе от арестантских работ. Поэтому вполне естественным в Сибири было то, что максимальное развитие производства стало возможным в пенитенциарных учреждениях с относительно постоянным контингентом заключенных, к которым относились исправительные арестантские отделения.

Вместе с тем материально-техническая база пенитенциарных учреждений Западной Сибири сыграла свою роль в кризисные периоды функционирования пенитенциарной системы, особенно в годы революции и Гражданской войны.

По официальной статистике Главного управления мест заключения Министерства юстиции колчаковского правительства, на 1 июня 1919 г. из содержащихся в Томской губернской тюрьме 1192 заключенных 1079 были не заняты трудом; в Каинской уездной тюрьме из 286 — 182; в Новониколаевской уездной тюрьме из 379 — 352; в Кузнецкой уездной тюрьме из 139 — 104 [15, л. 2, 20, 38, 45]. На 1 сентября 1919 г. из содержащихся 455 заключенных Мариинской уездной тюрьмы не задействованы на работах было 435 заключенных [15, л. 49]. Исключением из правил являлось лишь исправительно-арестантское отделение № 1 г. Томска, где из 430 содержащихся на 1 августа 1919 г. заключенных, не задействованных на работах, было лишь 131 человек [15, л. 57].

В условиях постоянной нехватки продуктов питания для заключенных существенным подспорьем стали Заварзинская и Еловская фермы, на которых заключенные выращивали различные сельскохозяйственные культуры, разводили скот, занимались садоводством. Заготовленные продукты питания шли прежде всего на обеспечение самих заключенных. Так, только доход от Заварзинской фермы за первое полугодие 1919 г. составил 18 576 руб. 26 копеек; Еловская ферма с января по май 1919 г. получила прибыли по садоводству в размере 24 194 руб. 04 коп. [16, л. 23].

Труд заключенных Томского исправительного арестантского отделения № 1 использовался на контрагентских ассенизационных работах. Доход от них составил за 1918 г. 32 261 руб. 55 коп. Восстановленные в конце 1917 г. мастерские по пошиву форменного обмундирования для армии заработали за 5 месяцев 1919 г. 9842 руб. 13 коп. [16, л. 24]. Это позволило существенно улучшить питание арестантов, а в дальнейшем — эффективно противостоять эпидемии сыпного тифа. Пенитенциарными учреждениями Западной Сибири впервые на практике в рассматриваемый период времени был опробован принцип самообеспечения осужденных с частичным возмещением затрат на их содержание. Его реализация была продолжена пенитенциарной системой региона в советский период, поэтому, строго говоря, не была «изобретением» советской власти.

Подводя итоги, укажем, что использование арестантского труда в рассматриваемый период способствовало переходу пенитенциарной системы Западной Сибири от сугубо карательных функций в сторону организации воспитательно-трудового воздействия, в котором труд заключенных занимал одно из ведущих мест.

Обучение заключенных ремесленным навыкам объективно способствовало их дальнейшей ресоциализации, предупреждению рецидива преступлений. Однако без комплексной поддержки со стороны государства администрации пенитенциарной системы региона было не под силу справиться с данной пробле-

мой, что существенно снижало эффективность работы пенитенциарной системы Западной Сибири в целом.

Привлечение коммерческого капитала способствовало развитию промышленных предприятий в пенитенциарных учреждениях. На наш взгляд, накопленный опыт взаимодействия возможно использовать в целях современного развития производственного сектора исправительных учреждений.

В рассматриваемый период наметились тенденции к самообеспечению пенитенциарной системы

Западной Сибири, к снижению затрат на содержание заключенных, что находило свое юридическое закрепление в дореволюционных нормативно-правовых актах.

Созданный производственный потенциал пенитенциарных учреждений Западной Сибири объективно способствовал переходу от ремесленного труда к промышленному производству, что было активно востребовано в советский период развития пенитенциарной системы.

Библиографический список

1. Коломенцев Д. В. Тюремная система России в 50–80-е годы XIX века и ее реформирование : дис. ... канд. ист. наук. — Воронеж, 2004.
2. Отчет Томского губернского попечительного комитета о тюрьмах за 1880 г. — Томск, 1881.
3. О занятии арестантов работами и распределении получаемых от сего доходов : Закон Российской империи от 6 января 1886 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. — 1886. — № 24.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. — М., 1962.
5. Детков М. Г. Уголовно-исполнительная система, 130 лет: юбилейное издание. — М., 2009.
6. Общая тюремная инструкция 1915 г. — М., 1976.
7. Богданов М. А. Институт условно-досрочного освобождения по законодательству дореволюционной России: теоретический и историко-правовой аспекты // Вестник Владимирского юридического института. — 2009. — № 2 (11).
8. Яковлев С. П. Организационно-правовые формы трудоустройства лиц, осужденных к лишению свободы в дореволюционной России: XVIII — начало XX вв. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2005.
9. Об условно-досрочном освобождении: Постановление Временного правительства от 1 августа 1917 г. // Вестник Временного правительства. — 1917. — 12 сент.
10. Бортникова О. Н. Сибирь тюремная: пенитенциарная система Западной Сибири в 1801–1917 гг. : монография. — Тюмень, 1999.
11. Списки лиц, утвержденных на 1913 г. господином министром юстиции, на основании ст. 301 Устава о содержании под стражей над исправительными арестантскими отделениями // Тюремный вестник. — 1913. — № 3.
12. О постройке в тюремных мастерских обуви для надзирателей и надзирательниц : Циркуляр Главного тюремного управления от 7 февраля 1913 г. № 7 // Тюремный вестник. — 1913. — № 3.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. А-353. — Оп. 1. — Д. 91.
14. Гогель С. К. Арестантский труд // Тюремный вестник. — 1913. — № 2.
15. ГАРФ. — Ф. Р. 827. — Оп. 5. — Д. 92.
16. ГАРФ. — Ф. Р. 827. — Оп. 12. — Д. 5.